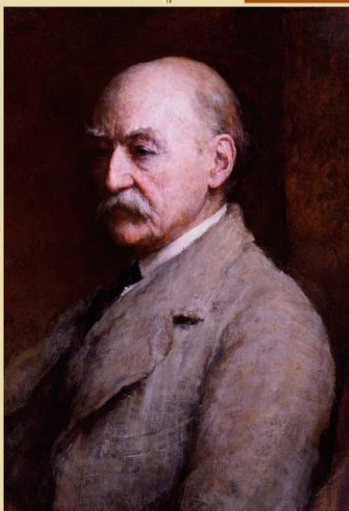

ТОМАС ХАРДИ

В УГОДУ ЖЕНЕ

*«В угоду жене» — произведение английского романиста, новеллиста и поэта Т. Харди (1840 — 1928).****

Рассказ написан в 1894 г. Большинство сочинений автор посвятил крестьянам, ибо, как он писал, «поведение высших классов маскируется условностями и подлинный характер не легко разглядеть; если его увидишь — зарисуешь субъективно». Всего Харди издал 25 романов, сборников рассказов и стихов. Одни воспринимают произведения автора как «шедевры любовного романа», другие — как памфлеты против сословного неравенства. Епископ даже публично сжег одну его книгу — она якобы нарушала моральное кредо общества. Горький же приравнял Харди к Бальзаку, Золя и Мопассану.

Гарди Томас В угоду жене

Из маленьких ироний жизни Харди

I

Внутри храма св. Иакова в городе Гавенпуль постепенно темнело от сплошных туч зимнего дня. Было воскресенье; служба только что кончилась, священник дочитывал свою молитву, и прихожане с чувством облегчения вставали с колен и собирались уходить.

Некоторое время царило полное молчание, можно даже было слышать волнение моря в гавани. Безмолвие прервали шаги церковнослужителя, который пошел к двери, чтобы отворить ее, как всегда, для выхода молящихся. Однако прежде чем он подошел к двери, задвижка была отодвинута снаружи, и показалась темная фигура мужчины в морском платье.

Церковнослужитель отошел в сторону; моряк тихонько затворил за собою дверь, пошел в церковь и приблизился к ступенькам алтаря. Священник, читавший молитву, встал и пристально посмотрел на не во время вошедшего.

— Извините, — сказал моряк, обращаясь к священнику настолько громким голосом, что все прихожане слышали. — Я пришел сюда, чтобы поблагодарить Бога за счастливое избавление от кораблекрушения. Насколько я понимаю, это следует сделать, если вы ничего не имеете против.

Священник после некоторого молчания сказал нерешительно:

— Конечно, я ничего не имею против. Обыкновенно о подобных желаниях заявляют до начала службы, так что молятся за общим благодарственным молебном. Но, если вы желаете, то можно прочесть все те молитвы, которые употребляются после бури на море.

— Для меня безразлично, — сказал моряк.

Церковнослужитель указал моряку страницу в молитвеннике в отделе благодарственных молебнов; священник начал читать их, а моряк встал на колена, повторяя за ним отчетливо каждое слово. Присутствующие безмолвно и бессознательно опустили на колена тоже, но продолжали разглядывать одинокого моряка, который все еще стоял на коленях со сложенными руками, не сознавая, какими глазами смотрели на него другие.

По окончании молебна он встал, прихожане тоже и все вместе вышли из церкви. Когда моряк вышел и дневной свет упал на его лицо, старожилы

этой местности признали в нем Шадрача Джолиффа, молодого человека, который не был в Гавенпуле несколько лет. Он родился в этом городе; его родители умерли, когда он еще был молодым, почему он и пошел рано в море на промысел в Ньюфаундлен.

По дороге он разговаривал то с одним, то с другим, сообщая им, что, покинув родину несколько лет тому назад, он сделался капитаном и владельцем маленького каботажного судна, которое по воле Божьей спаслось от бури вместе с ним. Он подошел к двум девушкам, которые шли впереди его; они сидели в средней части церкви, когда он вошел, и наблюдали за всеми его действиями с большим интересом, а теперь, выйдя из церкви, говорили о нем.

Одна из них была худенькая, миловидная девушка; другая — высокая, полная и солидная. Капитан Джолифф смотрел на их распущенные локоны, на их спины и плечи, — словом, оглядывал их с головы до ног.

— Кто бы могли быть эти две девушки? — шепнул он своему соседу.

— Маленькая — Эмилия Ханнинг, высокая — Жанна Фиппард.

— О, я теперь их припоминаю.

Он подошел к ним близко и радостно посмотрел на них.

— Эмилия, вы меня не узнаете, — сказал моряк, посмотрев на нее своими светлыми глазами.

— Мне кажется, я узнала вас, г. Джолифф, — ответила Эмилия застенчиво.

Другая девушка посмотрела на него пристально своими темными глазами.

— Лицо мисс Жанны я не так хорошо помню, — продолжал он, — но знаю ее родителей и родственников.

Они продолжали свой путь, разговаривая; Джолифф рассказал подробности своего недавнего спасения. Дойдя до угла переулка, в котором жила Эмилия, они с нею простились, улыбаясь и кивая. Вскоре моряк расстался также с Жанной и, не имея никакого определенного дела, вернулся к дому Эмилии. Она жила со своим отцом, который называл себя счетчиком и содержал лавку с канцелярскими принадлежностями, что служило подспорьем при его неопределенных занятиях. Войдя, Джолифф застал отца с дочерью за чаем.

— Я не знал, что уже время чай пить, с удовольствием бы выпил чашечку.

Он остался пить чай и пробыл долго, рассказывая приключения из своей морской жизни. Несколько соседей собралось послушать, и их пригласили войти. Так или иначе, но в это воскресенье моряк покорило сердце Эмилии, и недели через две между ними было нежное

объяснение. Месяц спустя в один лунный вечер Шадрач выходил из города по длинной, прямой дороге, направляясь к восточному предместью города, в котором находились более богатые дома, как вдруг он увидел перед собою фигуру, которую он принял за Эмилию. Подойдя ближе, он увидел, что это была Жанна Фиппард.

Он любезно поздоровался и пошел рядом с ней.

— Уходите, — сказала она, — а то Эмилия будет ревновать.

Ему не понравилось это замечание, и он остался.

Что было сказано и что произошло между ними, Шадрач никогда не мог хорошо припомнить, но Жанна сумела отнять его у своей кроткой, молодой соперницы. С этого дня Джолиффа чаще видели в обществе Жанны Фиппард, чем Эмилии, и вскоре распространился слух на пристани, что сын старого Джолиффа, который вернулся домой, намеревается жениться на Жанне к большому огорчению Эмилии.

Вскоре после распространения этого слуха, однажды утром Жанна оделась для прогулки и отправилась к Эмилии. Известие о глубокой грусти ее подруги вследствие разрыва с Шадрачем достигло также до нее, и совесть упрекала ее за то, что она увлекла его. Жанна не чувствовала

особенного расположения к моряку. Ей нравились его намерения, и она стремилась выйти замуж, но не любила его глубоко. Она была честолюбива, а его общественное положение далеко не было так хорошо, как ее; она, как привлекательная девушка, всегда имела возможность выйти замуж за человека по положению выше ее. Она даже хотела уступить его Эмилии, если бы та его очень любила. Для этого она написала Шадрачу отказ; это письмо она несла в руке, намереваясь послать его, если после личного наблюдения убедится, что ее подруга Эмилия страдает.

Жанна вошла в переулок и сошла вниз в лавку, которая была на уровне с тротуаром. Отца Эмилии никогда не было дома в это время дня, казалось, что и Эмилии также не было дома, потому что никого не было слышно. Покупатели заходили так редко, что пятиминутное отсутствие хозяйки не могло иметь значения. Жанна осталась ждать в маленькой лавке, где Эмилия, со свойственным женским уменьем, разложила недорогие вещи так, что они скрывали скудость запаса; она ждала до тех пор, пока не увидела фигуры, остановившуюся у окна и как будто рассматривавшую книги, почтовую бумагу и развешенные картинки. Это был капитан Шадрач, высматривающий, одна ли Эмилия. Побуждаемая чувством нежелания встретить его в помещении Эмилии, Жанна

проскользнула в дверь, которая вела в гостиную. Она и раньше так делала, потому что во время дружбы с Эмилией она была у нее как дома. Джолифф вошел в лавку. Сквозь тонкую занавеску, которая закрывала стеклянную перегородку, она могла заметить его досаду, что он не нашел там Эмилии. Он уже хотел уйти, как в двери показалась Эмилия, торопившаяся вернуться домой. Увидя Джолиффа, она отступила назад, как будто хотела снова уйти.

— Не убегайте, Эмилия, не убегайте, — сказал он. — Чего вы испугались?

— Я не испугалась, капитан Джолифф, я внезапно увидела вас, и это заставило меня вздрогнуть.

По ее голосу было видно, как сильно билось ее сердце.

— Идя мимо, я зашел, — сказал он.

— За бумагою? — Она поспешно пошла за прилавок.

— Нет, Эмилия. Зачем вы ушли. Отчего не остались около меня. Вы, кажется, ненавидите меня.

— Нет, как могу я ненавидеть вас.

— Так подойдите, чтобы мы могли разговаривать, как обыкновенные смертные.

Эмилия повиновалась и, смеясь, подошла к нему.

— Вот так, дорогая, — сказал он.

— Вы не должны этого говорить, капитан Джолифф, — эти слова относятся к другой.

— О, я знаю, что вы хотите сказать. Но, Эмилия, даю вам слово, что я до сегодняшнего утра совсем не знал, что вы интересуетесь мною, иначе я бы так не поступил. Я очень расположен к Жанне, но знаю, что с самого начала она ко мне относится только по-дружески, и теперь я вижу, что я должен был попросить вас быть моею женою. Вы знаете, Эмилия, когда человек возвращается из продолжительного плавания, он слеп, как летучая мышь, — он не понимает женщин. Все они для него одинаково прелестные создания, и он выбирает первую, которая ему попадется, не думая, любит ли она его, и не полюбит ли он сам другую больше нее. Вначале я был более расположен к вам, но вы так были застенчивы и сдержаны, что я начал ухаживать за Жанной.

— Ни слова больше, господин Джолифф, — сказала она, задыхаясь. — Вы женитесь на Жанне в будущем месяце, и нехорошо...

— Эмилия, дорогая моя, — воскликнул он и схватил ее маленькую фигуру в объятия, прежде чем она опомнилась.

Жанна за занавеской побледнела, старалась не смотреть, но не могла.

— Только вас одну я люблю так, как мужчина должен любить женщину, на которой он женится, и я понял из слов Жанны, что она охотно уступит меня. Она хочет выйти замуж за человека выше себя по положению и согласилась выйти за меня только по доброте. Прекрасная, высокая девушка не подходит быть женою простого моряка: вы больше подходите.

Он поцеловал ее несколько раз, и ее гибкая фигура дрожала от волнения при его поцелуях.

— Я бы хотела знать, уверены ли вы, что Жанна намеревается отказать вам. Уверены ли вы? Потому что...

— Я знаю, что она не захочет нас сделать несчастными. Она освободит меня.

— Надеюсь, что да. Уходите, капитан.

Однако он медлил, пока не пришел покупатель за палочкою сургуча, и тогда он ушел.

Страшная зависть охватила Жанну при виде этой сцены. Она придумывала, как бы уйти незаметно. Необходимо было, чтобы Эмилия ничего не знала об ее посещении. Она пробралась из гостиной в коридор, а затем к парадной двери, из которой она вышла без всякого шума.

Вид этих ласк изменил все ее решения. Она не могла уже уступить Шадрача. Придя домой, она сожгла письмо и сказала матери, что если капитан

Джолифф придет, то сказать ему, что она не здорова и принять его не может.

Однако Шадрач не пришел. Он, послал ей записку, высказывая в простых выражениях состояние своего чувства и прося позволения воспользоваться теми намеками, которые она давала относительно ее любви к нему, находя в этом чувстве только дружбу, и взять свое слово назад.

Рассматривая гавань и остров, он ждал ответа в своей квартире, но не получил его. Незнание делалась для него невыносимой и вечером он пошел в Хай-Стрит. Он не мог не зайти к Жанне, чтобы не узнать решения своей судьбы.

Ея мать сказала, что дочь больна и не может принять его, а на его вопросы, заявила, что письмо, полученное от него, очень расстроило ее.

— Вы, может быть, знаете почему, г-жа Фиппард, — спросил он.

Мать созналась, что ей известна причина, прибавляя, что это письмо поставило их в затруднительное положение. Шадрач, боясь, что он виновен в чем-то ужасном, объяснил, если его письмо огорчило Жанну, то это благодаря недоразумению, тогда как он думал, что это послужит облегчением для нее. В противном случае он считает себя связанным данным словом, и она

должна думать, что письмо никогда не было написано.

На следующее утро он получил поручение, устно от молодой девушки, проводить ее вечером с митинга. Он это исполнил и, идя по дороге из ратуши, она сказала:

— Между нами все остается по-старому. Письмо было послано по ошибке?

— Да, — ответил он, — если вы говорите, то так и должно быть.

— Я хочу, чтобы это так было, — проговорила она с сильным ударением на словах, вспоминая при этом Эмилию.

Шадрач был религиозный, добросовестный человек и ставил высоко данное слово. Вскоре после этого состоялась свадьба. Джолифф деликатно сообщил Эмилии, что он принял дурное расположение духа Жанны за равнодушие к нему.

II

Через месяц после свадьбы, у Жанны умерла мать, и молодые должны были позаботиться о материальной стороне жизни. Лишившись матери, Жанна не хотела и слышать, чтобы ее муж снова отправился в плавание, но являлся вопрос, что же ему делать дома. Наконец, они решили взять лавку

с колониальными товарами в Хай-Стрите; лавка была в хорошем состоянии. Шадрач не имел понятия о торговле и Жанна также, но они надеялись научиться.

Для ведения этой торговли они употребили много энергии в течение нескольких лет, но не получили большого барыша. У них было уже два сына, которых мать любила до безумия и хотя не питала страсти к своему мужу, но к ним относилась заботливо и предусмотрительно. Но торговля не преуспевала, и материнские пылкие мечты о воспитании и карьере своих сыновей в действительности не оправдывались. Их школьное образование было самое простое, но, благодаря близости моря, они выучились плавать как рыбы и управлять лодкой, как природные моряки.

Единственный большой интерес для Шадрача вне домашнего круга составляло замужество Эмилии. Благодаря одному из тех случаев, которые помогают выдвинуться людям, оставшимися до сих пор незаметными, молодую девушку увидел и полюбил зажиточный купец из их города, вдовец, на несколько лет старше ее, хотя все еще молодой. Сначала Эмилия объявила, что она ни за кого никогда не выйдет замуж, но г-н Лестер спокойно настаивал на своем и, наконец, получил ее согласие. У них тоже было двое детей, и, пока они росли при

благоприятных условиях, Эмилия говорила, что она никогда не предполагала быть такою счастливою.

Солидный торговый дом, один из тех больших прочных каменных строений, которые теснятся в старинных городах, выходил на Хай-Стрит, почти против лавки Жанны, и Жанне было тяжело смотреть теперь на женщину, место которой она захватила единственно из честолюбия, и которая теперь была сравнительно с нею богата, тогда как у нее была скромная лавка с таким товаром, как: головы сахару, изюм, ящики с чаем и т. п., с которыми ей, по воле судьбы, приходилось возиться. Торговля так ухудшилась, что Жанна принуждена была сама сидеть в лавке, и ее мучила и огорчала мысль, что Эмилия Лестер, сидя в своей большой гостиной напротив, могла видеть ее беготню за прилавком по требованию мелких покупателей, покровительства которых она должна была всячески заискивать, людей, с которыми она была принуждена быть учливой при встрече, тогда как Эмилия, окруженная детьми и гувернанткой, разговаривала с местною знатью. Вот что она приобрела тем, что не допустила Шадрача полюбить другую, хотя сама мало его любила. Шадрач был хороший, честный человек и продолжал быть верен ей во всем. Время сгладило его любовь к Эмилии в заботах о матери его сыновей; он вполне пережил свою раннюю любовь,

и Эмилия в его глазах осталась только другом. То же самое было и с чувством Эмилии к нему. Очень может быть, что если б Жанна нашла малейшую причину для ревности, то она была бы вполне удовлетворена. Полная уступка Эмилии и Шадрача, до которой она сама их довела и служила поводом ее недовольства. Шадрач не обладал ловкостью, необходимой для развития мелочной торговли в виду многих конкурентов. Когда покупатель спрашивал его, может ли он ручаться за средство, заменяющее яйца, которое ему навязал странствующий торговец, то тот отвечал; «не положив яиц в пудинг, трудно чувствовать их вкус там», — и на вопрос, что настоящее ли это кофе из Мокка, он отвечал сурово: «как обыкновенно в маленьких лавках».

Однажды летом, когда окна большого каменного дома, на противоположной стороне улицы, отражали на лавку горячие, солнечные лучи, в лавке никого не было, кроме мужа и жены; Жанна посмотрела на подъезд Эмилии, к которому подъехала богатая карета. В последнее время в обращении Эмилии проглядывал покровительственный тон.

— Шадрач, по правде сказать, ты совсем не деловой человек, — проговорила Жанна печально. — Ты не был воспитан для торговли, и